

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

CIVIL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-382-399>

EDN: XWIQNZ

Научная статья / Research Article

Закономерное и особенное в правовом режиме нематериальных благ в Российской Федерации¹

Ю.Э. Монастырский

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация
МГИМО МИД Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

 monastyrsky@mzs.ru

Аннотация. Расширение перечня нематериальных благ диктует дальнейшее правовое осмысление их значения и защиты. Автор размышляет над двумя важнейшими теоретическими проблемами с задачей их оптимального разрешения, прежде всего о положении личных неимущественных прав в обороте. Здесь он предлагает, ввиду все более широкого вовлечения в коммерческую деятельность этих объектов, вернуться к термину «личные права» и обосновывает свою точку зрения. Далее, опираясь на дедуктивный метод, он затрагивает вопрос ответственности за посягание нематериальных благ. Автор утверждает, что по наиболее явной трактовке правовых положений гражданского законодательства личность, в соответствии с гл. 59 ГК РФ, и лицо как обычный гражданин, согласно общим положениям гл. 8 Кодекса, должны пользоваться разными режимами охраны, но одинаковым правом на убытки. Их возмещение доступно, по мнению автора, не только когда есть указание в норме закона (ст. 152 ГК РФ) при покушении на честь, достоинство, репутацию, но и когда страдает личность и имеет право обратиться к убыткам субсидиарно, и здесь должна применяться гл. 59 ГК РФ, а точнее, ст. 1082, согласно которой суду дается возможность присудить взыскание убытков вместо исправления вреда в натуре; а также просто в силу нарушения любых личных прав на базе ст. 15 ГК РФ. Такая диспозиция благоприятна для защиты нематериальных благ, обладателей рассматриваемых прав, которые должны пользоваться по международным стандартам регулирования наибольшей степенью защиты (Busnelli et al., 2005).

Ключевые слова: личные права, моральный вред, неимущественный ущерб, ответственность, убытки, деликты, нематериальные блага

¹ По материалам I Всероссийского научного симпозиума «Рясенцевские чтения», состоявшегося в МГЮА 16–17 февраля 2023 г.

© Монастырский Ю.Э., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 16 июля 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Монастырский Ю.Э. Закономерное и особенное в правовом режиме нематериальных благ в Российской Федерации // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 382–399. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-382-399>

The Civil Law Regime Governing Immaterial Values in the Russian Federation²

Yuri E. Monastyrsky

Sevastopol State University, *Sevastopol, Russian Federation*
MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, *Moscow,*
Russian Federation
 monastyrsky@mzs.ru

Abstract. The increasing importance of immaterial values necessitates further legal investigation into their significance and protection. This article addresses two theoretical problems identified by the author, aiming to resolve them. First, it considers the role of personal non-property rights in legal transactions, focusing on their growing involvement and the need to clarify the concept of “non-property”. Using a deduction approach, the author proposes a return to the established term “personal rights”, which relates to values inherent to personality and belonging to individuals as such. The distinction is made between the level of protection afforded to two categories of rights: rights of personality and rights of a person as an ordinary citizen. The author addresses this distinction further in the second part of the article, which discussed questions of liability. The key findings are that three avenues exist for recovering damages: First, when explicitly provided for in cases of personal rights violations related to honor, dignity and reputation. Second, when the values in question relate to individuality, such as life, health, and personal immunity, protected under Chapter 59 of Civil Code of the Russian Federation and Article 1082, which authorizes courts to impose losses on tortfeasors instead of harm compensation in kind. Third, a damages claim can be filed for any breach of personal rights as subsidiary remedy (Article 15 of CC of RF). This framework is favorable for immaterial asserts, which, in accordance with international standards, are subject to the strictest protection (Busnelli et al., 2005).

Key words: personal non-property rights, moral harm, non-pecuniary damage, liability, torts, personal values, personality values, non-material values

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 16th July 2024

Accepted: 15th April 2025

² Based on the materials of the I All-Russian Scientific Symposium “Ryasentsev’s Readings”, held at the MSAL on February 16–17, 2023.

For citation:

Monastyrsky, Yu.E. (2025) The Civil Law Regime Governing Immaterial Values in the Russian Federation. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 382–399. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-382-399>

Введение

Российская цивилистическая наука, законодательство и судебная практика последовательно развивают концепцию гражданских личных прав. Они обеспечивают доступ и юридическую связь с нематериальными благами, данными лицам от рождения, приобщение к которым создает состояние, приближающее к такой главной цели и идеалу гражданского права, как автономия человека, и условия для раскрытия его способностей и самосовершенствования. Имущественной состоятельности по стандартам современного общества для вышеупомянутого, в отличие от других эпох и времен, недостаточно. Разнообразящиеся средства обсуждаемой защиты, в отличие от уголовно-правовых, имеющих результатом предупреждающий и карательный эффект, налагаемый на обидчика или нарушителя, более действенны и более дифференцированы, дающие и денежное вспоможение, и охранительную поддержку потерпевшим. Развитие цивилистических мер и воззрений идет двумя параллельными путями: увеличение способов правового реагирования на нарушения и детализация самих нематериальных благ, увеличение их открытого списка. В Своде законов Российской империи был предусмотрен только штраф за оскорбление чести и ничего более (см. главу II).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» их обозначено уже свыше двадцати пяти. А в последней редакции ст. 150 ГК РФ – пятнадцать. Необходимо содержательной и пока не затронутой другими авторами является, на наш взгляд, тема о классификации личных прав, влияющей на режим охраны и способностей личностных, индивидуальных, уникальных и иных личных неимущественных, отвечающих за качество жизни всех и каждого.

I. Неимущественный характер прав

В российском гражданском праве особая роль принадлежит такой фундаментальной цивилистической категории, как «личные неимущественные права». Ее развитие, регулирование хорошо демонстрируют, что некоторые характеристики правовых явлений могут изменяться или ослабевать. Еще недавно в длинной формуле, описывающей данное понятие, акцент ставился на неимущественности (нематериальности³) (Maleina, 1990:4), невозможности использования в обороте личных прав. Однако появляется все больше доводов в пользу пересмотра такого утверждения, потому что данные права без их отчуждения вовлекаются в оборот: например, получает широкое распространение использование имени и изображения человека, публичных фигур в коммерческих мероприятиях, музейных выставках, на разных

³ «Нематериальный характер личных прав проявляется в том, что они лишены экономического содержания. Это означает, что они не могут быть точно оценены, для них не характерна возмездность, а их осуществление не сопровождается имущественным предоставлением со стороны других лиц».

презентациях, фестивалях, граждане входят в условия, по которым за вознаграждения они рискуют своим здоровьем и т.д. (Kuznetsova, 2013; Opryshko, 2015; Sinitsyna, 2017; Iakovchuk & Kravtsova, 2018). За плату обладатели нематериальных благ, свободы передвижения, выбора места жительства и т.п. могут допустить их умаление. Нужно вспомнить, что термин «неимущественное право» среди цивилистов XIX в. вообще имел еще более широкие смысловые значения отсутствия стоимостных приращений при его реализации, например в договоре услуг и пр.

Профессор Тартуского университета (ранее Юрьевского) Евгений Вячеславович Пассек (1860–1912) в 1893 г. выпустил работу «Неимущественный интерес в обязательстве», где критиковал широкое понимание характеристики «неимущественный» (Passek, 1893). Российская цивилистическая традиция заключается в нивелировании роли четкой имущественной подоплеки в обязательствах в отличие от других европейских стран. Проект Гражданского уложения Российской империи придавал правовое значение и действию, не подлежащему стоимостной оценке (ст. 1567). Критерий «неимущественный» сужает возможности для привлечения к ответственности и принудительного исполнения обязанностей, связанных с соответствующими правами. В литературе встречаются такие описания, как следующее: «Отказ в исполнении музыкальных произведений для тонуса и поддержания настроения слушателей по их заказу нельзя обусловить штрафом». В доктрине предпринималась даже попытка уточнения признака «неимущественный» такой длинной фразой: «личные права – это неимущественные права, связанные и не связанные с имущественными» (проф. О.Н. Садилов⁴ и др.). Нам же, исходя из вышесказанного, видится более точным термин «личное право» (Sinaiskii, 1917:64). О.А. Покровский предпочитал термин «право личности» (Pokrovskii, 1998:120).

Впрочем, словосочетание «личное неимущественное право» вошло в законодательство. Но есть примеры, когда, становясь вроде привычным и распространенным, понятие расширяется (или сужается) при принятии новых норм. В результате некоторые его определения теряются. Например, из устойчивого термина «реальный ущерб» (п. 2 ст. 15 ГК РФ) в ст. 16.1 ГК РФ пропадает прилагательное, далее, от словосочетания «законный интерес» зачастую в законодательных актах и при регулировании остается одно лишь существительное.

Итак, мы видим, что акцент на неимущественном характере личных прав вроде ограничивает применение общей гражданско-правовой ответственности за нарушение субъективных прав, сводя ее к случаям, прямо указанным в ГК РФ. На комментарий о том, что это редкий статутный пример двойной ответственности за одно правонарушение, необходимо сказать, что моральный вред возникает от страданий, переживаний, а убытки – это утраты именно в имуществе, хотя и не только.

Проследим эволюцию понятия «неимущественный». Вектор развития задан ст. 128 ГК РФ в редакции Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ, где не все объекты гражданских прав охватываются понятием «имущество».

Изучение юридической литературы позволяет проследить значение термина «неимущественный» в совершенно конкретной динамике. Цель авторов первых кодификаций была продиктована жизнью и состояла в том, чтобы конкретизировать сферу правовой охраны и принудительного механизма применительно к тем

⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Отв. ред. О.Н. Садилов. 3-е изд. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2005 (автор комментария к гл. 1 – О.Н. Садилов) (СПС «КонсультантПлюс»).

действиям должников, ответчиков, исполнителей, которые имеют прямое имущественное выражение и результат материального приращения при передаче денег, товаров, права пользования вещами или собственных способностей внаем, выполнении подрядных работ и т.д. Контракты, не отражающиеся на материальном положении сторон, не рассматривались законодателем в качестве важных, дабы их охрану не загружать судебную систему, государственный бюджет.

В XIX в. ряд законодательств определял обязательства как связь с требованием, заключающим в себе имущественную ценность, удовлетворение со стороны должника. Российский проект Гражданского уложения скопировал подход германской юрисдикции, где постановка обязательства в рамки имущественных параметров признана излишней, и этот вопрос передан на усмотрение представителей доктрины и судебной практики, что оказалось дальновидным, поскольку усложнение оборота потребовало значительного сужения понятия «неимущественный», чему логично содействовали пять причин, появившихся в ходе экономического и правового развития.

Во-первых, с середины XIX в. и далее очень быстро ценностью или востребованным благом все более становились услуги, связанные с бытом и жизнедеятельностью. Рост индивидуальных богатств привел к тому, что в ответ на возрастающие имущественные потребности стали формироваться самые разнообразные услуги, которые ранее производились внутри хозяйств в раннюю сословную эпоху, при возможной тогда неограниченной внутридомашней эксплуатации слуг, крепостных и т.п. Сервис, связанный с поддержанием здорового образа жизни, быстро распространялся в городах. Сформировался рынок услуг, связанных с образованием, здоровьем. И, следовательно, утверждения о том, что некоторые из них не представляют имущественную ценность или не подлежат денежной оценке, изживали себя, не соответствуя уровню развития имущественного общения. Вторая причина – взрывной рост количества и распространение интеллектуальных объектов. Авторы-обладатели промышленной собственности изменили взгляд на понятие «личное интеллектуальное право». Неотчуждаемое по своей природе, оно получало разнообразную реализацию. Обладатели таких производных нематериальных благ, репутации также участвовали в обороте. Объектом гражданско-правового договора могло являться благо, переходящее по наследству, как объект субъективных прав. Третья подоплека – распространение моделей взаимоотношений, связанных с самоумалением индивидуальных, личных прав, таких как свобода передвижения, переписки, опасный труд за плату. В рассказе А.П. Чехова «Пари» персонажи заключили договор о выплате 2 млн руб. за 15 лет добровольного заточения. Эта договоренность, напоминающая сделку пари, таковой не являлась в современном правовом понимании, так как не было условия об обязательстве, падающем на того, кто был неправ, а также не имелось выигрыша от случайного исхода (ст. 1062 ГК РФ). Данная конструкция представляет собой обычный гражданско-правовой договор по целевому распоряжению своим личным правом, но не отчуждению его. В-четвертых, само понятие «имущество» стало шире, потребовав уточнения, что оно не обнимает теперь интеллектуальные права, итоги работ и услуг. Таким образом, между концептами «имущественное» и «неимущественное» право появились также категории «иного имущества», иных благ – результатов работ и услуг и т.д. Пятая причина – усложнение оборота. Возникла необходимость охраны сложного целевого поведения, например голосования в крупных корпорациях по вопросу об избрании ключевых управленческих фигур или утверждения

программы стратегического инвестирования в хозяйственное общество. Само по себе указанное мероприятие напрямую не связано с имуществом, но исполнение соответствующей обязанности акционерами означает успех или фиаско проектов развития, налаживания дальнейших коммерческих связей, поэтому участие в нем (голосовании) невозможно считать не имеющим отношения к имущественной динамике и обороту.

Таким образом, важнейшая дефиниция «личные» последовательно вытесняет определение «неимущественные», превращая его в ненужное, неполное повторение. Вместе с тем словосочетания «неимущественный интерес», «неимущественные отношения» тяготеют к такому качеству, как неохраноспособные, не имеющие цивилистического содержания общественные взаимосвязи, необходимо завязываемые и возникаемые в любом социальном обществе независимо от уровня его развития. Такова обсуждаемая авторская точка зрения.

II. Альтернативная ответственность

Одна из идей нашей публикации заключается в том, что не только ст. 152 ГК РФ дает основания при нарушении личных прав взыскивать гражданско-правовые убытки.

К концепции деликтных требований в российском гражданском праве от доктрины советского периода перешел приоритет возмещения утраченного в натуре перед взысканием потерь, выразившийся в формуле ст. 1082 ГК РФ. В ст. 410 ГК РСФСР 1922 г. несение убытков предусматривалось при невозможности истребования восстановления в прежнем виде. Сегодня трактовка ст. 1082 Кодекса Верховным Судом РФ заключается в праве выбора средства правовой защиты истцом, а не судом⁵. Считаем такое решение неудачным, не основанным на букве нормы. Согласно ст. 1064, 307 ГК РФ причинение вреда порождает обязательство исправить, возместить, заменить поврежденное имущество или право, но, по замыслу законодателя, требование об убытках необязательственное, субсидиарное, по общему правилу сочетаемое в области обязательств с другими мерами защиты (п. 1 ст. 393 ГК РФ). По тексту статей 15, 1082 ГК РФ указанное правовое средство применяется отсылочно, вместо обязательства возмещения вреда, если так решил суд, а не по настоянию обиженной стороны (Monastyrskii, 2019).

До изложения следующей, если так можно выразиться, особенности регулирования возмещения вреда хотелось бы сделать важную ремарку о том, что целый ряд правоведов придерживается точки зрения, согласно которой в нашем концепте об ответственности присутствует дихотомия, а именно: она может быть договорной и внедоговорной. И если она возникла вне контракта, то непременно носит деликтный характер. Хотя имеются и более выверенные суждения (Gribanov, 2001:348; Sukhanov, 2016)⁶. Гражданско-правовая ответственность может появляться и вне

⁵ См., например, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

⁶ «Внедоговорная ответственность, в частности, ответственность за причинение вреда, всегда состоит лишь в возмещении причиненного вреда...»; «Внедоговорная ответственность может использоваться только в прямо предусмотренных законом случаях и размерах и на императивно установленных им

соглашения, и вне какого-либо вреда вещам, например, при отказе заключить публичный договор (п. 3 ст. 426 ГК РФ), контракт, предусмотренный в законе, взять на себя обязательство поставки при ведении переговоров (п. 2 ст. 507 ГК РФ), при заключении сделки под влиянием обмана (ст. 179 ГК РФ), при злоупотреблении правом (ст. 10 ГК РФ) и т.д. Таких примеров много.

Именно гл. 59 ГК РФ применима при причинении вреда имуществу и личности (ст. 1064). Употребление важного философского понятия «личность» не случайно, оно уже категории «лицо», содержит в себе в том числе богословский смысл субъекта разума и действий, умеющего любить, творить, говорить, испытывать эмоции⁷. При нанесении вреда личности, по концепции ГК РФ, наступают последствия деликта. Спорным может быть вопрос: относится ли к личности свобода передвижения, выбора места жительства, право на благоприятную окружающую среду, физическую и психическую неприкосновенность (Maleina, 1997), другие нематериальные блага? Во всяком случае, конечно, они касаются лица, но может ли применяться при нарушении их гл. 59 о деликтах? В ст. 150–152.1 ГК РФ мы не находим на нее ссылок, в отличие от нормы ст. 1099 названной главы. Приведенные общие нормы по замыслу законодателя применяются не только к деликтным последствиям (при ущербе репутации и т. п.).

В российском гражданском праве усиливается и совершенствуется охрана нематериальных благ. Дополнением в ГК РФ⁸ был удлинен их перечень (п. 1 ст. 150) (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее – Постановление № 33)).

Теперь отечественная парадигма мер правового воздействия читается следующим образом. Нарушение личных прав влечет компенсацию морального ущерба, восстановительные принудительные меры гражданско-правового характера, опровержение ложных сведений, запреты и прочее, возмещение убытков в случаях, указанных в законе. Сам моральный вред присуждаем и при нарушении прямо названных в нормах имущественных прав (абзац первый ст. 151 ГК РФ).

Далее, моральный вред личности, по концепции ГК РФ, порождает деликтную ответственность, к которой применим § 1 «Общие положения о возмещении вреда» Кодекса, где мы находим судебную дискрецию в ст. 1082 о возможности вынесения решений о возмещении убытков вместо исправления повреждений. Позиция, что имущественную ответственность нужно налагать вместо морального вреда, уже высказывалась в литературе (Monastyrskii, 2019). А ранее только профессора Н.С. Малеин (1975) и М.Н. Малеина (1997) в своих работах сделали выводы, что нарушения личного блага могут влечь возмещение имущественного вреда (Malein, 1975:30) и убытков (Malein, 1997:77). А ст. 667 Свода законов Российской империи гласила: «Винновный в нанесении личной обиды или оскорбления... может быть

условиях. <...> Она возникает при причинении личности или имуществу потерпевшего вреда, не связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением нарушителем обязанностей, лежащих на нем в силу договора с потерпевшей стороной»).

⁷ «Личность предполагает наличие таких способностей, как свободная воля, определение цели, выбор мотивов, нравственное чувство, словесность (разумность), творческая направленность в их проявлениях, жертвенная любовь» Режим доступа: <https://azbyka.ru/lichnost> (дата обращения: 25.01.2024).

⁸ Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

присуждаем... смотря по состоянию и званию обиженного и по особым отношениям... к от одного до 50 рублей», – не упоминая степень вины, страданий и глубину переживаний⁹.

III. Вина как условие ответственности

Принципиально, что при определении размера компенсации суд руководствуется размером вины нанесшего обиду (ст. 1101 ГК РФ). Однако в п. 2 ст. 1101 ГК сказано: при безвиновной ответственности степень *culpa*, как и ее формы, не учитываются. Другими словами: безвиновное, то есть непредосудительное поведение, а также риски и случайности могут создавать условия для присуждения компенсации, лишая ее социально-правового назначения и свойства гражданско-правовой репрессии.

Институт морального вреда пользуется большим вниманием теоретиков¹⁰. И мы уверены в его последующем совершенствовании. В главных нормах ГК РФ по этому вопросу (ст. 151) и пр. записано, что моральный вред взыскивается, когда законом он соединен с нарушением имущественных прав (потребителя и пр.), а также при покушении, собственно, на неприкосновенность личных благ. Однако такие иски, суды, споры у нас по большей части не считают серьезными¹¹. Номинальные взыскания назначались всегда в связи с имущественными претерпеваниями¹². Упомянутое Постановление № 33 должно исправить сложившееся положение, поскольку предусматривает необходимость усилить гражданско-правовые санкции за посягновения на любые нематериальные блага вообще.

Несовпадением регулирования и реальности являются основания возникновения обязательств по компенсации морального вреда. Они, в отличие от визуально определяемых дефектов, не представляются явными (Kostenkova & Yulova, 2017:71)¹³. Жертва всегда может утверждать, что она переносила очень существенные страдания и мучения, а это трудно проверить. Полагаем нелогичным вводить санкцию за моральный ущерб без умысла и неосторожности делинквента. Природа компенсации за переживания и муки карательная, а не восстановительная. Вместе с тем оценка поведения на предмет его виновности есть привычная функция суда.

⁹ Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / сост. И.М. Тютрюмов. СПб: Законоведение, 1908 (по 1 июня 1908 г.).

¹⁰ См., например: Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2023.

¹¹ Там же. С. 15 («...российские суды присуждают просто неприемлемо низкий размер компенсации в ситуации причинения вреда здоровью и иного грубого посягательства на личную физическую неприкосновенность (пытки, изнасилования и т.п.). То, что нередко взыскивается в качестве компенсации морального вреда в таких ситуациях, бросает вызов человеческому достоинству и постоянно провоцирует бурное возмущение в обществе. Особенный протест вызывают ситуации, когда символический размер компенсации взыскивается в пользу потерпевших, которые потеряли близких в результате деликта или столкнулись с тяжким вредом своему здоровью, а ответчиками, виновными в деликте, являются вполне платежеспособные корпорации или публичные образования»).

¹² Козлова Н. Приговор с шестью нолями // Российская газета. 2020. № 177 (8231).

¹³ «Системе норм, регламентирующих правоотношения истца и ответчика по делам о моральном вреде, свойственна нормативная неопределенность. Судебные решения по таким делам носят субъективный характер, размер компенсации не имеет четких регламентирующих норм, основания возникновения обязательств по компенсации морального вреда имеют весьма размытые границы».

Противоправности в узком смысле без *culpa* быть не может. Возможность безвиновной ответственности, например за ошибочный административный арест и правоохранные ошибки, ввиду невозможности знать ключевые обстоятельства, создала бы поток таких требований, если бы компенсация вреда была значительной. Поэтому на сегодняшний день выплачиваются критически небольшие суммы, унижающие истцов¹⁴. Добросовестные лица не станут заявлять подобные претензии. Институт компенсации морального вреда не будет развиваться из-за отсутствия дел и материала для предметного анализа судебной практики и ее обобщения высшими судами, дающими толчок дальнейшему доктринальному анализу, изучению вопросов о том, при каких условиях переживания должны приводить к имущественному наказанию.

Психический вред в Европе считается частью ущерба в виде неэкономических потерь. Суды исходят не из необходимости установления страданий, а из трудно опровержимой презумпции их существования (Shevchenko, 2019).

Если будет принято, что ответчик вместо морального ущерба может требовать возникшие в связи с его нравственными стеснениями убытки в качестве свободной опции, более трудной, но как средство правовой защиты более действенной, то это создаст импульс для требований. Считаем, что поддержка этих воззрений сделает средства правовой защиты, состоящих в возмещениях, более работоспособными. По нашему мнению, их величина насколько это возможно должна стремиться к полному восстановлению нарушенных прав или стоимости необходимых для этого мер. Вместе с тем назрела возможность логичного изменения судебных подходов, что уже давно отмечено в работах известных авторов (Erdelevskij, 2017).

IV. Правовое значение ст. 15 ГК РФ

В ч. 1 действующего ГК РФ, в его общих положениях, придается особое значение отдельным способам защиты гражданских прав, причем три из них выражают новую гуманистическую и социальную направленность гражданского права и заключаются в лишении силы правоприменительных актов, возмещении убытков, причиненных властными органами, компенсации ущерба, нанесенного их действиями (ст. ст. 12, 13, 16 и 16.1). Остальные средства отражают укрепление имущественной автономии частного лица, участника имущественного оборота, поэтому они называются «самозащитой гражданских прав» и «возмещением убытков» при любом нарушении благосостояния лица (ст. ст. 12, 14 и 15 Кодекса). Названные статьи являются универсальными, имеют прямое применение без опосредования специальными правовыми положениями.

Некоторые правоположения нуждаются в детализации. Например, п. 1 ст. 15 ГК РФ, гласящий: «Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере», – следует дополнить нормой о том, что ущерб, причиняемый правомерными действиями, компенсируется лишь в случаях, предусмотренных в законе. Отметим, что такие ситуации уже урегулированы в Кодексе, скажем, при разрешенном выходе из договоров, отзывах произведений, смене коммерческого обозначения и т.д. Необходимо зафиксировать, что

¹⁴ Козлова Н. Приговор с шестью нолями // Российская газета. 2020. № 177 (8231).

возмещение убытков сочетается с другими средствами правовой защиты, как это предусмотрено для обязательств (п. 1 ст. 393 ГК РФ). Поэтому резонно продвигать позицию о том, что при любом нарушении своих личных прав истец всегда может взыскивать ущерб и упущенную выгоду в качестве общегражданского правового инструмента защиты, поскольку, повторимся, моральный вред компенсируется в результате физической боли, страданий, мук, недомоганий, переживаний, но последние также могут вызвать убытки, например, от потери своего дела, прибыли, способности к занятиям. Интересно, что в отечественной правовой традиции, измененной в советское время, в ст. 670 Свода законов Российской империи, мы находим прообраз нашей логики о возмещении имущественных последствий. Например, приводится такая норма: «Ежели, вследствие личной обиды или оскорбления, обиженный понес ущерб в кредите, или в имуществе, то обидевший или оскорбивший его обязан вознаградить за сии потери и убытки по усмотрению и определению суда»¹⁵ (ст. 670 Свода). Такое вариативное использование требований о возмещении укрепит российский гражданский правовой порядок.

V. Развитие института судебным толкованием, расширяющим перечень объектов возмещаемого морального вреда

Важность Постановления № 33, на первый взгляд, в том, что оно расширило целевое назначение компенсации за нравственные переживания, каковые наступают при нарушении личных, а также имущественных прав, иных кроме прямо указанных в законе. Подход, теперь учитывающий душевное волнение от нарушения только упомянутых в законе имущественных прав, при несоблюдении обязанностей перед потребителями, работниками и т.д., был распространен на последствия умаления, нарушения, несоблюдения иных гражданских прав. В Постановлении № 33 приведены следующие примеры: «умышленная порча одним лицом имущества другого лица, представляющего для последнего особую неимущественную ценность (единственный экземпляр семейного фотоальбома, унаследованный предмет обихода и др.)» (п. 4); «причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» (п. 5). Верховный Суд РФ выделил создающую высокую интенсивность причинения степень вины или самый тяжелый вид *culpa* – умысел, причем направленный на результат, а не на соблюдение или игнорирование предписаний, что важно для гражданского права. Таким образом, можно сделать вывод, что некоторые составы гражданско-правовых нарушений имеют ту особенность, что они способны вызвать сокрушительные эмоции и иные душевные потрясения. Признание этого правоприменителем, по нашему мнению, – настоящий прогресс в развитии института морального вреда.

В выводах высшей судебной инстанции содержится подтекст со смыслом о том, что грубое правонарушение и серьезное посягательство на личные права, которые могут поколебать психическое равновесие, должны приводить к денежной компенсации за переживания и иное возбуждение чувств. Можно вспомнить, что проектирование ответственности, вызванное поведением должника в каких-либо обязательствах, было предусмотрено в Редакции Гражданского уложения Российской империи (1913 г.). Так, абзац второй ст. 1655 данного документа гласит: «Должник,

¹⁵ Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга вторая / сост. И.М. Тютрюмов. М.: Статут, 2004. 603 с.

умышленно или по грубой неосторожности не исполнивший обязательства, может быть присужден к возмещению и других, кроме указанных выше, убытков, хотя бы они заключались не в имущественном, а нравственном вреде, и не подлежали точной оценке». Статья сопровождается комментарием, что с частным интересом верителя, кредитора сочетаются тут и общие задачи: «Таким образом, должник, уличенный в умысле или в грубой неосторожности, обязан возместить ... даже убытки, не подлежащие имущественной оценке, т.н. нравственный вред»¹⁶.

Другим, как упоминалось, поводом перейти к переосмыслению защиты духовных благ служит расширение в Постановлении № 33 открытого перечня объектов защиты, среди которых теперь названы способность к труду, выбор места работы, его качества, уважение родственных связей, защита от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения. На наш взгляд, это означает, что в настоящей области прослеживается тенденция перехода от индивидуального анализа к стандартизированной оценке, основанной уже на презумпциях наличия переживаний, терзаний и душевных расстройств в зависимости от существа затронутых личных прав и сути нарушения.

Это подтверждает возможность обратной взаимной порождаемости убытков от нравственного ущерба и от нарушения имущественных прав, когда имеют место разные моральные и материальные претерпевания. Возникает вопрос о совокупности обстоятельств, в которых признается правомерность возложения убытков на ответчиков вместо и помимо компенсации понесенного морального вреда.

VI. Вред – личности, убытки – лицу

Находясь в поле совершенствующегося правового регулирования, личные права граждан производны от постепенно возрастающего в числе и гарантированных правопорядком нематериальных благ, они, по нашему восприятию, не столько «ценности, принадлежащие лицам» в силу их рождения, хотя такая формула и запечатлелась в ГК (ст. 150), сколько условия, усиливающие деловую, интеллектуальную, интимную, творческую автономию лиц.

На ранних этапах правового развития подробнейшим образом охранялось только такое благо как честь. В предшествующем Своду законов Российской империи Соборном Уложении Царя Алексея Михайловича (1647 г.) число норм о штрафах и наказаниях в главе «О суде» за нарушение сановной и мирской чести доходило до двухсот¹⁷, поскольку в этом состоял механизм государственного управления в то далекое время. В советских кодексах упоминалось о таких нематериальных благах как: честь, достоинство, доброе имя, жизнь, здоровье, изображение, личные дневники и записи. В современном ГК их – четырнадцать. Упомянутое Постановление Верховного Суда № 33 называет двадцать пять нематериальных благ, однако в гражданско-правовой доктрине уже давно обсуждалось наличие свыше тридцати пяти немущественных ценностей, создающих соответствующие личные права.

¹⁶ Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчиан. Т. 2. СПб.: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. С. 249–250.

¹⁷ Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском Государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении его Величества Государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича всея России Самодержца. СПб.: При Императорской Академии наук. 1776. С. 24–99.

Интересы регулирования и правового развития ставят вопрос о действенной классификации личных прав, чем давно занимались наиболее авторитетные российские и советские ученые-правоведы, такие как О.А. Красавчиков, Л.О. Красавчикова, Н.С. Малеин, М.Н. Малеина, Е.А. Флейшиц и т.п. Первая наиболее известная систематизация получила отражение уже в первой редакции ст. 2 ГК РФ – это личные неимущественные права, связанные с имущественными (авторские права), и личные неимущественные права, не связанные с имущественными.

В 1997 г. в своей докторской работе профессор Малеина предложила более развернутую классификацию прав, обеспечивающих физическое благополучие, индивидуализацию, автономию личности, неприкосновенность тайны, жизни, авторских благ. Профессор Л.О. Красавчикова высказалась о соотношении личных прав, находящихся на разных уровнях бытия лиц: физиологическом, социальном, творческом (Krasavchikova, 1994:435).

У научной классификации имеется смысл, поскольку, сопоставляя общее и особенное, изучается природа, правовая сущность и подоплека явления. Но в юридическом отношении более ценным представляется систематизирование нематериальных благ, имеющих отличающийся режим охраны, в первую очередь, когда происходит применение несовпадающих параграфов ГК. Представляется наиболее содержательным деление личных прав как принадлежностей, юридических возможностей для личностей и обычных лиц.

Отечественная теория личных прав складывалась в советское время, тогда же появились и фундаментальные понятия, не могущие не иметь дальнейшее развитие и обогащение своего содержания. В своем основополагающем труде «Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических государств» Екатерина Абрамовна Флейшиц писала: «В русском языке слово „личность“, несомненно, означает индивидуальность, стало в то же время синонимом к слову „лицо“» (Fleischitz, 2015:97).

Полагаем, что данный тезис, особенно сегодня, нуждается в пересмотре, так как личность – это неповторимость черт характера, внешности, собственных воззрений, поступков, внутреннего мира. Лицо – это обычный субъект, участвующий в экономической деятельности и т.д. Даже в Конституции используется формула: «Права человека и гражданина» (ст. 2). Поэтому при охране прав личности необходимо осуществлять индивидуальный подход, об этом, в частности, есть норма ст. 1101 ГК РФ, где говорится об особенностях личности с целью определения величины компенсации. При разрешении вопросов о полном возмещении или исчерпывающем восстановлении имущественного положения обычных лиц допустимо и, более того, рекомендуется обычная стандартизация. Она присутствует в п. 2 ст. 15, где говорится об упущенной «выгоде при обычных условиях оборота» и т. п.

Еще раз хотелось бы привлечь внимание читателей к тому, что гражданско-правовой вред, по букве нашего ГК, причиним личности, а не лицу. Не все нематериальные блага могут быть ассоциированы с ней как с носителем особого внутреннего мира, неповторимой, изначальной божественной сущностью, поэтому такие блага, как неприкосновенность жилища, свобода передвижения, местопребывания и жительства, выбор рода деятельности и профессии, безопасность и гигиена, уважение родственных связей, охрана здоровья и медицинская помощь, принадлежат скорее лицу как обычному, среднему человеку, чем личности. Она воспроизводится и существует благодаря следующим благам, охраняемым законом: жизнь, достоинство,

неприкосновенность (личная и частной жизни), честь и доброе имя, деловая репутация, персональная и семейная тайна и авторство, – поскольку все вышеперечисленное относится к свойствам индивидуально-неповторимым («Личные права призваны охранять проявление индивидуальных черт, свойств и склонностей человека, призваны охранять личность в её индивидуальных особенностях, в том, что отличает ее от других, что делает индивида индивидуальностью») (Fleischitz, 1941:10). И на этом основано исследование обсуждаемой темы еще в 90-е годы (Maleina, 1997:2–3) после выхода первой части ГК РФ.

По строгой континентально-правовой логике концепция регулирования, которой должны следовать правоприменители, такова, что вред личности создает деликт, особое правонарушение, порождающее не ответственность, а обязательства, в данном случае – необходимость выплатить компенсацию вследствие перенесенных страданий, душевных волнений по общим положениям о деликтах, увы, требующих доказывания без обозначенной презумпции их претерпевания. Природа требования здесь обязательственная – именно так оно квалифицируется в ГК РФ (ст. 307). При посягательстве на другие нематериальные блага наступает общегражданская ответственность, а не деликтные последствия. Таким образом, в зависимости от того, например, можно ли считать ограничение свободы передвижения покушением на лицо или попранием прав личности, ответчик будет возмещать нанесенные моральный и имущественный ущерб или исполнять обязательства, проистекающие из нарушения духовного благосостояния истца.

В этих не сходно регулируемых полях возникают несколько различающиеся правовые результаты. Глава 59 ГК РФ устанавливает, в первую очередь, необходимость исполнения обязательств по возмещению вреда в натуре. Состав, структуру, размер, содержание имущественных либо личностных претерпеваний нужно изложить. При общегражданской ответственности ничего подобного делать не надо – достаточно лишь указать на денежную или содержательную оценку тех неправовых последствий, которые случились или ожидаются в будущем. В гл. 59 Кодекса переход к возмещению убытков осуществляет суд, хотя, по мнению ВС РФ, право избрать требование имеет истец. Однако в ст. 1082 ГК РФ такой нормы не содержится. Совершение деликта уравнивает всех причинителей перед лицом пострадавшего. Он может и требовать компенсацию потерь со всех привлеченных лиц, и давать оценки делинквентам, даже если они в процессе не участвуют. Ничего подобного не предусмотрено при несении договорной и общегражданской ответственности.

И, наконец, различие состоит в том, что по гл. 59 Кодекса убытки замещают вред, имущественный либо личностный. В силу же общегражданской ответственности можно говорить о сочетаемости ст. 15 ГК РФ с другими средствами правового воздействия, причем любыми, по крайней мере в области обязательств. При применении гл. 59 ГК РФ суд исходит из доказательств того, что пострадавший уже утратил свое имущество и понес страдания как личность. Формулировки ГК РФ считают эффектом вреда утрату или повреждение имущества, нарушение прав личности. Неполученная выгода, если нет нереализованного права требования, в силу обычных условий оборота не составляет результата вреда и не может входить в это понятие хотя бы потому, что нет умаления имущества, повреждения здоровья, причинения смерти и пр.

Впрочем, ст. 1082 ГК РФ по решению суда позволяет перейти к убыткам, установленным через расходы, которые сторона, чье право нарушено, должна будет произвести для его восстановления. Эта формула включает любую неполученную выгоду. При причинении вреда личности только делинквент принуждается к возмещению, но в ряде случаев законом установлена такая обязанность другого лица: опекуна, работодателя, сопричинителя.

При общегражданской ответственности восстанавливается право, а не имущество; возникает требование к лицу, чьи действия повлекли за собой нарушение материальных прав истца ввиду ограничения, например свободы передвижения и т.д. При деликтных последствиях важна не опровергнутая ответчиком вина, т.е. действует ее презумпция. В концепции общегражданской ответственности такого положения нет, и вина входит в состав формулы нарушения права, поскольку она проявляется при любом недолжном поведении. К сожалению, советская доктрина гражданско-правовой ответственности оперировала понятиями «противоправности» при «безвиновной ответственности» (Agarkov, 1940:150–152; Antimonov, 1950).

Специальное регулирование, когда по российскому законодательству возникает ответственность не то что без вины, а от событий, обстоятельств и вообще истечения сроков, относится в первую очередь к сфере договоров – главному основанию возникновения обязательств. Здесь случайное неисполнение, материализация рисков, просрочка могут вызывать возмещение убытков, уплату корректируемых судами штрафов. Причинение вреда влечет возникновение обязательств ликвидировать его последствия, предполагающих сначала добровольное исполнение.

Заключение

Статьи 151–152 ГК РФ предусматривают компенсацию как ответственность, а ст. 15 о возмещении убытков, по нашему мнению, должна применяться непосредственно в случае нарушения неличностных, нематериальных благ обычных людей. Возникает вопрос о нужности и полезности такого разделения. В гражданском праве необходимы строгость терминологии, буквальная интерпретация текста при свободном толковании, дающем возможность извлекать новые смыслы из фундаментальных категорий. Важна и иерархичность норм, особенно при их отсылочном применении. Только при строгом следовании правилам достигаются величайшие преимущества континентальной правовой системы: единообразие, предсказуемость и ясность, определенность регулирования. Свобода судов, а тем более частных лиц, отбрасывать тексты законов и использовать так называемые вольные правовые умозаключения будет означать разрушение системы континентального типа, общую неэффективность судебной системы и органов, разрешающих споры.

Законодатель и правоприменительная практика шаг за шагом двигались к идеалу гражданско-правового регулирования – к полному восстановлению не только имущества как такового, но и прав, существующих в динамике. Нематериальные блага невосстановимы в натуре, и в этой области принят компенсационный подход, зависимый от индивидуальных особенностей как пострадавшего, так и поведения делинквента, а также характера нарушения (ст. 1101 ГК РФ) по усмотрению суда. Всякое имущественное претерпевание, в том числе при покушении на личные права (репутацию и т.п.), возмещается суммами определенных убытков (упущенной выгоды из-за сорванных контрактов и пр.).

Первая часть ГК РФ ввела принцип полного возмещения через присуждение убытков, неминуемых либо понесенных (ст. ст. 15, 1064 ГК РФ), включая их субсидиарное применение при успехе доказывания (п. 1 ст. 393 ГК РФ). Наиболее передовая трактовка условий ответственности заключается в приоритетном применении норм специальных (ст. 1082 ГК РФ) впереди более общих (ст. ст. 10, 15 ГК РФ). Российская законодательная парадигма, сформированная исторически, гласит, что убытки личности, связанные с индивидуальными ее особенностями, взыскиваются вместо компенсации морального вреда, а убытки лицу как таковому, связанному с нарушением тайны переписки и т.д., и т.п. (ст. 150 ГК РФ), уплачиваются сверх названной компенсации вследствие следующих событий.

По причине утраты монополии марксистской идеологии в философском и общенаучном смысле прекратилось отождествление понятий «лицо» и «личность», и это не может не быть воспринято юриспруденцией. Согласно ГК РФ (ст. 1064), именно личность, а не лицо, как и имущество, защищаются гл. 59 и деликтными требованиями. Более широкая категория неимущественных прав без обозначенной отсылки к гл. 59 охраняется по регламентации гл. 8 «Нематериальной блага и их защита», компенсацией морального вреда (ст. 151 ГК РФ) и сверх этого взысканием убытков (п. 9, ст. 152, ст. 15 ГК РФ). Находясь в парадигме деликтной ответственности, права личности подпадают под действие специальной нормы ст. 1082 ГК РФ, предусматривающей либо исполнение деликтного обязательства (ст. 307 ГК РФ) нарушителем, а при умалении прав личности – это компенсация морального вреда, либо возмещение убытков, ибо такое смысловое и инструментальное содержание имеет ст. 1082 ГК РФ. Для уравнивания режимов законодатель мог бы заменить союз «или» на «и убытков». Но он этого не сделал, и стандарты континентальной правовой логики не позволяют нам это сделать самостоятельно. Вместе с тем ГК РФ (ст. 152) выделяет такие нематериальные блага, как честь, достоинство и деловую репутацию. Полагаем, что это личностные права, и они охраняются особо, более широким набором средств юридической защиты (опровержение сведений, в том числе после смерти, публикация своего ответа, отзыв клеветнического документа, уничтожение носителей информации, компенсация морального вреда и взыскание убытков), где убытки взыскиваются помимо и сверх сумм компенсации.

В заключение хочется подчеркнуть, что не подлежит сомнению, что общие нормы параграфа §1 гл. 59 ГК РФ применяются также по всем вопросам ее последующих параграфов (§2-4). Важно отметить, что имущественная компенсация и/или возмещение должны распространяться на все случаи посягательства на нематериальные блага (права).

References / Список литературы

- Agarkov, M.M. (1940) *Obligation under Soviet Civil Law*. Moscow, Juridical Publishing House of the USSR NKJ of the USSR Publ. (in Russian).
 Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 192 с.
- Antimonov, B.S. (1950) *The Significance of the Victim's Guilt in Civil Offence*. Moscow, Gosurizdat Publ. (in Russian).
 Антимонов Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М.: Госюриздат, 1950. 275 с.
- Busnelli F. D. et al. (2005) *Principles of European Tort Law. Text and Commentary*. Wien, Springer-Verlag Publ.

- Erdelevskij, A.M. (2017). On the Presumption of Infliction of Moral Harm. *Economy and law*. (11), 102–108. (in Russian).
Эрделевский А.М. О презумпции причинения морального вреда // *Хозяйство и право*. 2017. № 11. С. 102–108.
- Fast, I. (2020) Methodological Recommendations on Determining the Amount of Compensation for Moral Damage in Case of Attacks on Human Life, Health and Physical Inviolability of a Person. Available at: https://zakon.ru/blog/2020/3/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_razmera_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n [Accessed 25th January 2024]. (in Russian).
Фаст И. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/3/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_razmera_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n (дата обращения: 25.01.2024).
- Fleishits, E.A. (2015) *Selected Works on Civil Law*. In two vol. Vol. 1. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015. 512 с.
- Fleishits, E.A. (1941) Personal Rights in the Civil Law of the Union of Soviet Socialist Republics and Capitalist Countries. Moscow, Juridical Publishing House of the USSR NKJU Publ. (in Russian).
Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 207 с.
- Gribanov, V.P. (2001) *Liability for Violation of Civil Rights and Obligations*. In: Gribanov, V.P. (eds.) *Implementation and Protection of Civil Rights*. 2nd ed. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей // Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М.: Статут, 2001. 411 с.
- Kostenkova, I.Y. & Yulova, E.S. (2017) The Subject Proving on Affairs about Compensation of Moral Damage. *Herald of International Institute of Economics and Law*. 2 (27), 71–81. (in Russian).
Костенкова И.Ю., Юлова Е.С. Предмет доказывания по делам о компенсации морального ущерба // *Вестник МИЭП*. 2017. № 2 (27). С. 71–81.
- Krasavchikova, L.O. (1994) *The Concept and System of Personal, Not Related to Property Rights of Citizens (Individuals) in the Civil Law of the Russian Federation*. PhD thesis. Ekaterinburg, Ural State Law University. (in Russian).
Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... дра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 435 с.
- Kuznetsova, A.M. (2013) Peculiarities of Legal Support, Implementation and Protection of Intellectual Property Rights in the Field of Sport. *RUDN Journal of Law*. (4), 134–141. (in Russian).
Кузнецова А.М. Особенности правового обеспечения, реализации и защиты прав интеллектуальной собственности в области спорта // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2013. № 4. С. 134–141.
- Malein, N.S. (1975) *Civil-Legal Status of the Individual in the USSR* In: Malein, N.S. (ed.). Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
Малеин Н.С. Гражданско-правовое положение личности в СССР / отв. ред. Н.С. Малеин. М.: Наука, 1975. 399 с.
- Maleina, M.N. (1997) *Personal Non-Property Rights of Citizens (Concept, Realisation and Protection)*. PhD thesis. Moscow State Law Academy. (in Russian).

- Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан (Понятие, осуществление и защита): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 431 с.
- Maleina, M.N. (1990) *Personal Non-Property Rights: Training Manual*. Moscow, VYUZI Publ. (in Russian).
- Малеина М.Н. Личные неимущественные права: учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1990. 64 с.
- Monastyrsky, Y.E. (2019) Losses and Non-pecuniary Damage. *Civil Law Review*. 19 (2), 113–132. DOI 10.24031/1992-2043-2019-19-2-113-132. (in Russian).
- Монастырский Ю.Э. Убытки и нематериальный вред // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 2. С. 113–132. DOI 10.24031/1992-2043-2019-19-2-113-132.
- Opryshko, A.N. (2015) Status of the Right to the Image of the Athlete – Legal Aspect. *Education and Law*. 11–12 (75–76), 298–303. (in Russian).
- Опрышко А.Н. Статус права на изображение спортсмена – правовой аспект // Образование и право. 2015. № 11–12 (75–76). С. 298–303.
- Passek, E.V. (1893) *Non-Property Interest in the Obligation*. Yuriev, Tip. K. Mattisen Publ. (in Russian).
- Пассек Е.В. Неимущественный интерес в обязательстве. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1893. 217 с.
- Pokrovsky, O.A. (1998) *Basic Problems of Civil Law*. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
- Покровский О.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут. 1998. 352 с.
- Sadikov, O.N. (2005) (eds) *Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part One (article-by-article)* In: Sadikov, O.N. (ed.). 3rd ed. Moscow, CONTRACT Publ; INFRA-M Publ. (in Russian).
- Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садиков. 3-е изд. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2005 (автор комментария к гл. 1 – О.Н. Садиков) (СПС «КонсультантПлюс»)
- Shevchenko, L.I. (2019) Comparative-Legal Analysis of the Concept of “Moral Harm” in Domestic and Foreign Law. *Modern Law*. (1), 121–126. <https://doi.org/10.25799/NI.2019.65..1..019> (in Russian).
- Шевченко Л.И. Сравнительно-правовой анализ понятия «моральный вред» в отечественном и зарубежном праве // Современное право. 2019. № 1. С. 121–126. <https://doi.org/10.25799/NI.2019.65..1..019>
- Sinaisky, V.I. (1917) *Russian Civil Law*. Kiev. (in Russian).
- Синайский В.И. Русское гражданское право. Киев. 1917. 258 с.
- Sinityna, N.I. (2017) Elements and Legal Nature of the Right to the Image of the Athlete. *Petersburg Lawyer*. (1), 91–104. (in Russian).
- Синицына Н.И. Элементы и правовая природа права на образ спортсмена // Петербургский юрист. 2017. № 1. С. 91–104.
- Sukhanov, E.A. (2016) *Russian Civil Law: Textbook: In two vols. Vol. I: General Part. The law of property. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights*. In: Sukhanov, E.A. (ed.). 4th ed. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
- Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. 4-е изд. М.: Статут, 2016. 958 с.
- Tyutryumov, I.M. & Saatchian, A.L. (1910) *Civil Code Draft: Prepared by the Highest Editorial Commission (with Explanatory Notes)*. Vol. 2. Saint-Petersburg, Publication of the bookshop “Zakonovedenie”. (in Russian).
- Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчиан. Т. 2. СПб.: Издание книжного магазина «Законведение», 1910.
- Yakovchuk, T.V. & Kravtsova, A.A. (2018) Legal Regulation of the Use of the Athlete’s Image for Commercial Purposes. *Bulletin of Modern Studies*. (10.8 (25)), 67–70. (in Russian).

Яковчук Т.В., Кравцова А.А. Правовое регулирование использования изображения спортсмена в коммерческих целях // Вестник современных исследований. 2018. № 10.8 (25). С. 67–70.

Сведения об авторе:

Монастырский Юрий Эдуардович – доктор юридических наук, профессор кафедры Гражданское право и процесс, Севастопольский государственный университет, профессор кафедры Международного частного и гражданского права, МГИМО МИД России; 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

ORCID: 0000-0002-6999-8150, SPIN-код: 6378-9760

e-mail: monastyrsky@mzs.ru

About the author:

Yuri E. Monastyrsky – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Department of Civil Law and Procedure, Sevastopol State University; Department of International and Civil Law, MGIMO MFA of Russia; 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

ORCID: 0000-0002-6999-8150, SPIN-code: 6378-9760

e-mail: monastyrsky@mzs.ru